

Александр Абрамович Кабаков

Нам не прожить зимы (сборник)

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2771615
Александр Кабаков. Нам не прожить зимы: АСТ, Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-072650-9, 978-5-271-33991-2, 978-5-4215-2314-7*

Аннотация

В книге «Нам не прожить зимы» Александр Кабаков собрал свои самые исповедальные, откровенные сочинения. Героев всегда двое – он и она; их отношения не просты, полны сложностей и всегда печальны – будь то роман популярного певца и классической пианистки, или случайная встреча в поезде... Тем более что эти истории происходят в беспокойные девяностые, время «бредовых видений и ломки привычной жизни».

В сборник вошли роман «Поздний гость», рассказы «Тусовщица и понтярщик», «Нам не прожить зимы».

Содержание

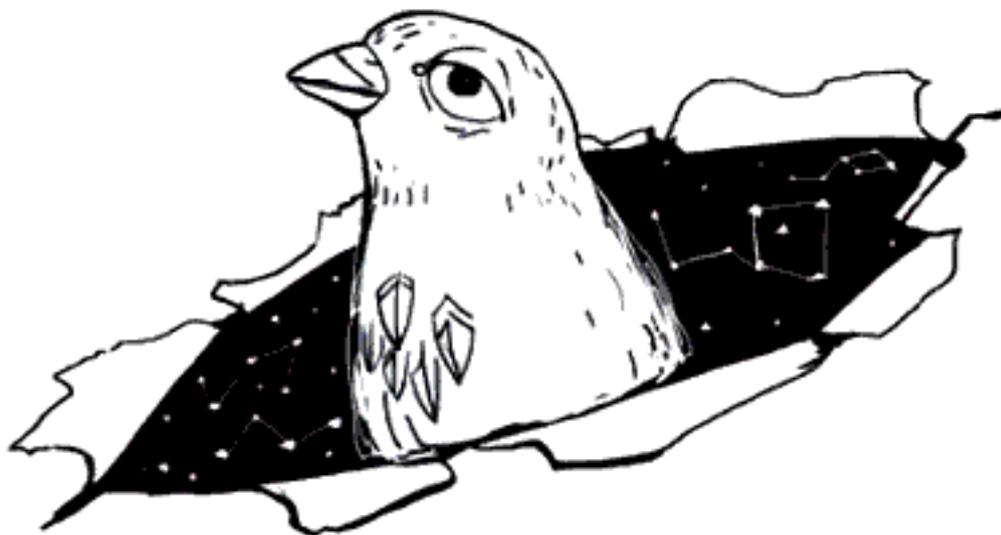
Поздний гость	4
1	4
2	6
3	8
4	9
5	10
6	12
7	15
8	18
9	19
10	20
11	22
12	23
13	24
14	26
15	27
16	28
17	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Кабаков

Нам не прожить зимы (сборник)

*А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много книг конца не будет, и много читать утомительно для тела.
Книга Екклесиаста, или проповедника, гл 12:12*

Поздний гость (История неудачи)

1

Есть много причин, по которым я начал это писать – кстати, совсем не будучи уверенным, что тех же причин хватит, чтобы и закончить. Более того, уже сейчас я знаю, что завершить начатое, а не бросить на середине, будет очень трудно. Тем не менее, несколько не задумываясь о будущем (вот и первая ложь, каких будет здесь еще полно – на самом деле очень даже задумываясь, но все же решил начать, потому что больше делать нечего, приходится), сразу приступаю к рассказу о том, откуда, почему и каким образом возникает в данный момент (когда я пишу) то, что вы в данный момент (другой? Но ведь тоже данный, подумайте сами!) читаете.

Нет, не сразу. Сначала отвлекусь для более подробного рассуждения на тему, слегка затронутую в предыдущей фразе.

Действительно, смотрите, что получается. Вот я пишу сейчас то, что пишу. Испытываю в это время жуткое количество ощущений – нога почему-то болит, например, хотя вроде бы не ушибал и не подворачивал, и чувств, главное из которых – несколько отчаянная решимость, всегда сопутствующая началу работы; думаю о многом – прежде всего, конечно, об этой чудовищной фразе, но и о предстоящем звонке, и черт его знает о чем еще, включая общий план сочинительского предприятия, который, естественно, как бы я ни пытался действовать спонтанно, имеется; одновременно прислушиваюсь к установившейся в доме полной тишине, всегда, с детства, меня пугавшей, из-за чего не мог и не могу выносить

одиночества, а отсюда множество житейских глупостей и общая интеллектуальная поверхностность... И перечисленное – только ничтожная часть того, что можно было бы бесконечно перечислять. Сижу, шлепая по клавишам одной рукой, между прочим, левой, так как я переученный в школе левша, а правой подперев щеку, и пытаюсь нечто описать.

А вы в это самое время заняты чем-нибудь совершенно не имеющим к состоянию моему и действиям отношения. Телевизор смотрите, едете в метро, разговариваете с кем-нибудь или читаете газету. Можно даже тщеславно допустить, что читаете не газету, а какой-нибудь другой, мною же написанный текст.

Прошли годы, как обозначали смену ситуации в титрах старых фильмов. И, предположим, я закончил эту книгу, захватил врасплох беднягу издателя, боящегося отказать: а вдруг хорошо пойдет или премию какую-нибудь огребет, да и просто неловко отказывать постоянно автору, – и выпустил написанное. Долго кропал, так что к концу не только находился совершенно в ином настроении души и ума, чем нахожусь сейчас, но даже просто забыл суть этого начала, о чем тут речь идет, и лишь немного восстановил в памяти при последней вычитке, да и то текст уже воспринимался как чужой. Что вполне объяснимо: болела уже не нога, а, очень вероятно, голова; никакой решимости уже не было, а была, как обычно перед сдачей, только радость освобождения – уж что получилось, то получилось, закончено; о фразах думал только узко технологически, так как общую интонацию уже не изменишь, хорошо бы хоть явные повторы убрать. К тому же предстоял не звонок – который, á propos, пока я предыдущий абзац заканчивал, уже состоялся, – а встреча, и не тишина меня мучила, а, к примеру, серый утренний свет донимал, который я тоже ненавижу... А пока длился издательский цикл, я и вовсе о книге забыл, занялся совсем другими делами. Уж не говорю о том, что – бывает и так, особенно в соответствующем возрасте – увы, вообще незадолго до выхода, скоропостижно... Ладно, не будем провозносить. Вы понимаете?

Короче, книга вышла. И вы ее купили. И сейчас как раз читаете это место. И уже, конечно, никаким образом не можете вспомнить, если бы даже и постарались, что вы думали и делали тогда, когда я это писал, – то есть сейчас, в двенадцать часов пять минут субботнего январского дня.

Что же это получается? Получается, что я нечто рассказываю человеку, который услышит это спустя такое время, как будто между нами космическое расстояние. Однажды я разговаривал со своей покойной матерью из Австралии из телефона-автомата. И она никак не могла приноровиться делать небольшие паузы между моим ответом и своим следующим вопросом, а делать их было необходимо, потому что между перекрестком возле отеля «Южный крест» в центре Мельбурна и квартирой возле метро «Ботанический сад» в Москве много тысяч километров – двадцать? или около того? – и электрический сигнал идет заметное время, полсекунды, пожалуй. Какое же расстояние получается, если так считать, между мною, сейчас пишущим, и вами, почтенный мой читатель, это читающим, если слова идут годы? Как до какой-нибудь Кассиопеи, ей-богу. Хотя вполне можно предположить, что в момент написания вы находитесь за стеной, в соседней квартире нашего рушащегося, загаженного бомжами дома.

Какой там Эйнштейн.

2

Впрочем, все это совершенно не относится к делу. А дело состоит в том, что я намеревался объяснить, почему и зачем принялся за эту книгу... Опять немного споткнулся на последнем слове. Может, совсем не в книге вы это будете читать, а в толстом журнале, которые выжили, несмотря на объявления об их смерти, и, думаю, еще долго проживут. Скорее всего, один из них, который я уже, понятное дело, имею в виду, это и опубликует. Значит, будет не книга, а несколько номеров... Ну, неважно.

До того как я приступил к этому сочинению – ненавижу современное слово «текст», хотя иногда и употребляю, – я попробовал продолжить свою обычную практику. Придумал некий рассказ, написал сколько-то, но, как это и раньше бывало, бросил: не пошло, не возбудился, не завелся, получалось скучно, неискренне и потому абсолютно неинтересно. Не возникало такой чуть-чуть истерической ноты, без которой сочинение превращается, по-моему, в изложение, как будто прилично грамотный школьник пересказывает «Даму с собачкой»: в Москве Гуров стал тяготиться своим мещанским окружением... Не получалось, я и бросил. Но если раньше, когда не получалось, было впечатление, что ошибся дверью или этажом, то теперь показалось, что вообще не знаю, какой адрес мне нужен.

Возможно, такая тотальная растерянность была подготовлена долгим предшествующим состоянием, я предчувствовал кризис, как предчувствуешь грипп. Еще ничего нет, ни насморка, ни температуры, а голова тяжелая, и, когда ложишься, хочется сильно, до хруста, потянуться.

И я решил – вместо поиска конкретной квартиры сюжета, вламывания в интерьер и обживания его деталей и, наконец, заключительного поджога-развязки, вместо всего этого бесчинства беллетристики – отправиться на бесцельную прогулку, какие раньше очень любил. Выходишь в свободный день, часов в половине одиннадцатого утра, и плетешься, то выбираясь на неестественно чистые центральные, то спотыкаясь на запущенности боковых улиц, народ разглядываешь без особого интереса, поскольку многое уже про этот народ знаешь и жизнь любого можешь описать по одной только его нутриевой ушанке при плюсовой температуре, в магазинчик какой-нибудь забредешь и обнаружишь что-нибудь страшно интересное, но, слава богу, не купишь по отсутствию денег, рюмку под бутерброд где-нибудь перехватишь, а то и две, если не в стоячке... И возвращаешься под вечер, уже еле передвигая ноги, но в куда лучшем настроении, чем если бы в гостях, скажем, побывал, с друзьями встретился и потрепался бы от души – словом, если бы провел время в некотором сюжете, с характерами, отношениями, развитием и завершением. От визитов и встреч, даже самых милых, осадок остается неизбежно. Может, конечно, только у меня, у других таких комплексов нету, но, в конце концов, я свою жизнь живу или чью? Вот и нечего насиловать организм, а надо пойти пройтись. В одиночку. Или с привычной ко всему, пусть иногда невпопад разговорчивой, зато неустоящей и сочувственной спутницей.

Это такая отдельная форма отношений – спутничество. Слово нескладное, но необходимое в этом рассуждении. Оно ко всему прочему отношение имеет не прямое. Я не хочу сказать, что оно выше, или сильнее, или глубже, чем любовь, или семья, или там дружба, или равно им... Но для жизни существенно, во всяком случае, не меньше. Вот возьмем любовь: вполне может быть, что со спутничеством не совмещается. И наоборот тоже бывает: спутник прекрасный, но не на ходу трудно переносим. То же самое и с друзьями...

Да. И вот так идешь, идешь, идешь, потом возвращаешься усталый и даже не очень довольный, нечем особенно, но зато без отвращения и кислоты в душе.

Так же и с сюжетом. Вроде бы скучновато без него, и цели нет, зато потом не надо, пытая и ломая ногти, концы силком увязывать и стесняться чего-нибудь. Путь заканчиваешь с чистой и здоровой усталостью.

3

Поэтому и в результате всего вышесказанного приступил я к этому труду – к труду бесцельной свободной прогулки.

4

Совершенно невозможно понять, кто ты есть такой. Считалка была: царь, царевич, сапожник, портной.

5

Начнем с царя.

Почему не получается быть царем? Ведь в цари не то чтобы очень хотелось, но и отвращения не испытывал. Однако, считая себя порядочным человеком и старательно это самонаименование поддерживая (по двум, по крайней мере, причинам, о которых еще как-нибудь поговорим), не хотел делать и, в общем, не делал всего гадкого, да и многого хорошего, что сопряжено с получением и удержанием любой власти.

Вот, вспоминая, выбирают по рекомендации классного руководителя председателем совета отряда. Приятно? Да уж чего скрывать... Отличие. Привилегия быть единственным из тридцати пяти в одинаковых серых гимнастерках, коричневых платьях с черными фартуками и сильно слинявших к шестому классу красных галстуках – все равны, а председатель один. Причем отличие его не в журнале и табеле за четверть, в которых пятерки фиксировали отличия разовые, заработанные грамотным диктантом или гладким ответом, а постоянное, статусное, как бы включенное в сущность. Ведь, если не заглядывать в будущее, демократическое избрание, по ощущениям избранного, ничем не отличается от аристократического избранничества. Уж потом наступают муки временности, махинации в следующей предвыборной кампании, цепляния зубами и когтями за кончающийся срок...

С чего же начинает такой, которому данная народом власть досталась справедливо, по склонностям и потенциям? Что он делает – не только по инстинкту укрепления и удержания власти, но просто по присущим ему как достойному должности представлениям?

Прежде всего приводит свое поведение в соответствие тем нормам, которые провозглашены вынесшей его на вершину общественной системой. Тут возможны варианты. Первый – фанатик. Мучает себя строжайшим следованием канону, без всяких колебаний и милосердия добивается того же от всех остальных. Удерживает власть долго, чаще всего пожизненно, и остается в памяти большей части современников героем, меньшей – чудовищем, что, собственно, одно и то же. Второй – человек нравственно заурядный. Искренне старается соответствовать официальному идеалу, что, разумеется, невозможно. Постепенно привыкает скрывать некоторую часть своей жизни, в лучшем случае с длительным успехом, в худшем – с менее длительным: тогда поражение на следующих выборах, или импичмент, или просто тихое выталкивание элитой в отставку под угрозой раскрытия всего тайного... Третий – циник. Сознательно обманывает народ, ловко лицемерит, получая удовольствие не только от официально осуждаемых поступков, но и от самого процесса ловкой лжи. Как всякая обдуманная и прагматическая деятельность, такая бывает весьма успешной, жрецы догмы более или менее удовлетворены, а население посмеивается, но с симпатией: прохвост, конечно, так ведь и мы... Четвертый – реформатор. С выпученными глазами в полный голос ниспровергает все то, что фанатик – с которым по психологическому типу совпадает – так же провозглашал. Добивается своего, но ненавидим и проклинаем всеми, даже теми, кто с удовольствием пользуется результатами его деятельности. Пятый – искренний идиот. Считает всех своими единомышленниками. Откровенно делится с подданными сомнениями в безусловности установленных до него правил и, не стремясь к их революционной отмене, с усмешкой предлагает ими сообща пренебрегать. Распространяет свое общепризнанное чувство юмора туда, куда с ним вход категорически воспрещен, – в настоящую жизнь. Крах неизбежный и немедленный: снятие с должности по настоянию хранителей завета при недолгом и вялом сочувствии подчиненных.

Нужно ли говорить, к какому из типов относился и относится любитель бесцельных городских прогулок, автор, сбежавший от диктатуры сюжета в неорганизованную болтовню? Изгнание пронизательным завучем из пионерских председателей... разжалование

из командиров отделения суровым начальником штаба... удивительное на первый взгляд, практически причинами не объяснимое выпадение из номенклатуры в собственной профессии – хотя удивляться-то надо было, когда в номенклатуру попал...

Нет, не для царствования родился.

Конечно, можно и по-другому повернуть: мол, ты царь, живи один. Просто царь, без всяких карьерных подтверждений, плюй на все и всех.

Так ведь до этого дойти надо. А чтобы дойти в юном возрасте – Господи, да он погиб пацаном! – надо именно им и быть: умнейшим, по словам штатного царя, человеком в стране, а значит, и в мире, потому что наш мир начинается и кончается здесь, мы к другому отношения не имеем. Человеку же обычному, не умнейшему и гениальному, а просто неглупому и способному, требуется для осознания преимуществ такого одиночного, автономного царствования прожить до старости, не один раз приложиться мордой обо все стены и углы, побыть на разного масштаба тронах и с каждого навернуться и только потом, если мозги не разлетятся и не растворятся в разных едких жизненных жидкостях, допереть... Да и то, как правило, на чисто теоретическом уровне, а чтобы действительно одному и царем – тут еще воля нужна, и сила, или сила воли, «силволя», как говорил старшина. Но где та воля, не говоря уж о силе?..

Надежда попробовать все же остается.

Если честно – даже пробую.

6

Теперь про царевича.

Можно было бы предложить читателю целую систему более или менее (теперь даже культурные люди говорят «более-менее») сложных построений, из которых следовало бы, кого в обществе я условно именую царевичами и почему. Но лучше эти построения опустить, так как обоснование терминологии всегда занимает слишком много места, отвлекает на бесконечные отступления, а мне сейчас не терпится перейти к сути дела, выбранный темп длинной и ветвистой речи тяготит. Буквально чувствую, как давит заданная медленность, а мысли и пишущая левая рука дергаются, суетятся – надо скорее высказаться. Так что царевич и есть царевич, сами поймете, о ком речь.

По некоторым чертам характера, и в первую очередь по склонности к занятию, которое сочинители наших эстрадных песен применительно к себе всерьез называют творчеством, я вроде бы безусловный царевич. В семье, состоявшей исключительно из сапожников и портных – позже об этом, позже, – полный выродок.

Склонность к излишествам на грани, а то и за гранью порока – ну, нормальный комплект: пьянство, бабы, детали опустим.

Почти женские чувствительность и сообразительность по части вещей тонких, простых, но трудно различимых – в отличие от мужской размашистости, неспособности скрутить или хотя бы нащупать слишком толстыми пальцами узелок на нитке или на чужой судьбе. Порвут, а чаще просто не разглядят.

Бешеное честолюбие, тщеславие за пределом представимого. Чтобы все знали, и не просто знали, а завидовали. Но одновременно вопреки всякой логике и любили.

При этом страшнейший комплекс: я – самый тупой, бездарный, необразованный, уродливый и нелепый; все, что получил, досталось незаслуженно и путем обмана, другие не видят, но себя-то не обдуришь, везучая посредственность.

И, конечно, одновременно: не такая уж везучая... им-то откуда известно про бездарность, подумаешь, эксперты... рядом с ними – вообще гений! А раз не оценивают, значит, просто злобные гады, и всё. Да, самому все про себя понятно. Но не им же?!

Etc.

Можно было бы и дальше описывать эту дрянь, но тип уже ясен: тот еще джентльмен, полный набор для царевича. Творческая, блин, личность, которой негодяйство так же извинительно и даже положено, как перстень и шейный платок.

Такова традиция. Можно считать от Рембо или Бодлера, можно от Лермонтова или Некрасова – размер таланта не рассматриваем, человеческий тип от других типов отличается качественно, а не количественно. Можно продолжить Селином или Буковски, можно Есениным и Маяковским. И закончить какими-нибудь Смитом, Шмидтом или Кузнечиковым – теперешние имена не имеют значения, потому что все равно вряд ли будут известны через пару лет. Да и негодяи они ненастоящие, эти ненастоящие гении: международная университетская опека, гранты и семинары по их творчеству (!) мгновенно превращают – даже если и была завязь – цветы зла в бумажные гвоздики, воображающие себя по крайней мере черными розами в ядовитых шипах.

Однако оставим злобствование. Сложилась так жизнь: если хочешь книги читать, музыку слушать, картинами любоваться и прочие художества употреблять внутрь, то примиришься с тем, что производители этих продуктов неблагонравны и даже просто гадки в быту. Долги не отдают, с женщинами неблагородны, бывает, что и к гигиене равнодушны... Либо – по-моему, это еще хуже – делают вид, что такие, потому что положено.

И ладно. Следуя классической шутке, не за это мы их любим, а за то, что настоящие художники. Бросим общее и вернемся к частному, к тому, кого вроде бы почти определили как царевича...

Почему же почти? А потому, что не хватает до необходимого минимума ни дряни, ни, соответственно, креативности, как нынче принято выражаться среди тех, кто вообще на такие темы рассуждает. Раньше-то, до всеобщей грамотности, вынесенной из провинциальных университетов и немецких семестров, говорили по-комсомольски: «творческое начало». Вот начала этого самого и не хватает. Какая-то беда с началом.

Начинаешь, к примеру, рассказ или повесть. Так все мило идет! Есть занятная и бессмысленная идея, которая самому иногда представляется даже тянущей на притчу; неожиданно возникают интереснейшие ситуации, из которых с честью выходишь, выволакивая за шиворот и героев; по ходу этих испытаний они постепенно начинают проявлять некоторые характеры, пусть не особенно яркие и не очень оригинальные, но детальки мелькают вполне живые... Наконец, в какой-то момент, где-нибудь ближе к последней четверти объема, вдруг чувствуешь, как легкий, чуть ощутимый озноб пополз по спине... колотишь, чтобы записать побыстрее, с такой скоростью, что буквы налезают одна на другую... и самому горько до слез, и хорошо, и даже немного задыхаешься...

И точно знаешь, что вот теперь попал, и, значит, вся работа окупилась, стоило корпеть: раз сам почувствовал, то и читателя достанешь, удалось.

Когда-то давно такой вид оргазма назывался вдохновением.

Ну ладно.

Кончил.

Собрал и подровнял листки, завязал в древнесоветскую папку, отвез.

Вышло и продается.

Через несколько месяцев в очередной раз убедился, что критики – мерзавцы, а друзья познаются только в беде. Сделал вид, что на все наплевал и забыл, тем более что несколько знакомых дам в полном восторге.

И однажды перечитал от нечего делать.

Ах, е. т. м. (разверните аббревиатуру сами)!

Что особенно ужасно – абсолютный повтор. Общий замысел и сюжет по всему контуру накладываются на известнейшее произведение вполне живого классика, которое уж лет двадцать так и называется – не «роман» и не титулом, а именно «произведение». Как сразу не заметил? И ведь «произведение» же читал тысячу раз с восторгом, анализировал... Полное затмение. (А взять то, что сейчас пишу! Разве не похоже на недавно прочитанную книгу приятеля, живущего в странной полузагранице, самодельное его евангелие или, может, тору? Черт возьми! Или все же не совсем?..)

Ну, и дальше по мелочам. Никаких характеров нет вообще, а есть кое-как раскрашенные маски из самого употребительного набора литературы для юношества, видно, намертво усвоенной в школьные пятидесятые. Коллизии сплошь нелепые, без начала и конца, так, последовательность выписанных с тщательностью кретина картинок. То, что принял за катарсис, оказалось, как в анекдоте, астматическим всхлипом, имитацией судороги. Читателя-то – из самых простодушных – обмануть не велика хитрость, а критики все просекли правильно, и друзья еще благородно себя вели, отводя глаза.

Так-так. Хорошее дело. Повеситься, что ли?

Или вот взять полистать это... Лежит на столе уже месяц. Дарственная надпись банальнейшая, а все равно лживая. С каким там уважением, если он вообще никого в грош не ставит и недавно о «Дубровском» сказал: «Ничего...» Ну-с, и что же пишет?..

Через пару часов замечаешь, что, испытывая жуткое отвращение к тому, о чем и как написано, – все персонажи убудки и подонки, во всем тексте ни одного слова в простоте,

при том что есть и очевидная неграмотность, к тому же омерзительная личность автора поступает явственно, – продолжаешь читать, и бросать не хочется. Что ж это творится, люди добрые?! Это, что ли, и есть талант? А то, что сам изготовил, не вышло, следовательно, потому...

Нет, скорее веревку. Или без пафоса (среди нынешней интеллигентной молодежи это слово ругательное) – просто раз и навсегда оставить дурацкое занятие, тем более что оно уже давно не кормит, да и кормило недолго. Высвободившиеся силы и время, если потратить их разумно, на то, что умеешь делать по крайней мере на уровне крепкого ремесла, удовлетворения принесут куда больше, не говоря уж о деньгах.

И уход из неуважаемого занятия получится достойный – не взашей вытолкали, а сам распрощался. Позволит сохранить не только лицо, но и имя, что важно с практической точки зрения...

Насчет выталкивания взашей и лица двусмысленно получилось, потому что «взашей» – это эвфемизм для «под жопу», а при чем здесь «лицо»? Да бог с ним – но что же все-таки делать?

Выпить, разве что...

Да. Так о чем это я? О том, что жизнь пропала? Ну пропала... Но ведь есть же, разумеется, и утешения? Рассмотрим.

Относительно их талантов. Это еще вскрытие покажет. А вот нечистоплотность, неумение себя вести, общее какое-то неприличие уже есть. Вроде тех истопников, дворников и просто бездельников, которые, сидя на шее жен, вытягивавших жилы на службе, или родителей-пенсионеров, в семидесятые писали неподцензурные романы, стихи или картины. Дескать, мы с поганой властью ни на каком уровне сотрудничать не желаем, сохраняя душу незапятнанной, а гениальные произведения адресуя в вечность. Однажды такому гению-нахлебнику сказал: а если роман-то не по цензурным причинам непубликабельный, а по художественным? Ну, допустим, накрылись коммунисты, а сочинение твое все равно никому не нужно. Кто твоей бабе эти годы вернет?.. Он в ответ, как и положено творцу, только глянул с презрением.

А ведь так и вышло, и не с ним одним.

Что прежде всего надо семью кормить, коли завел, а уж потом оставшиеся силы тратить на доказательства своей гениальности, причем свои силы, а не чужие, – это им и в голову не приходило.

Жить все хотят как великие, особенно у нас, все свои пакости вечностью извиняют. Да величия на всех не хватает. Богемы – целая страна, а художников – как в любой другой.

Нет уж. Выглядеть пристойно, за себя всегда платить, умываться регулярно, с женщинами не жлобствовать. Мещанский кодекс? И слава богу. Зато не стыдно. И если не вышел в гении, так хоть приличия соблюл. Баловался искусством – ну и никого не касается, на свои гулял.

И за крайний предел не залетал.

Еще, что ли... последнюю...

А все же уверенности нет. И продал бы, пожалуй, душу, да некому. Так и болтаешься – среди бургеров Моцарт, а рядом с Моцартом – счетовод.

7

Все время употребляю какие-то безличные формы неопределенного лица. Кто же есть автор этих рассуждений и, следовательно, их герой? Я сам? Не совсем... Хотя бы потому (внимание!), что совершенно точно своих мыслей не выразишь, отмечено еще классиком. Следовательно, все написанное выше не есть, строго говоря, мои размышления во всей полноте и многозначности (банальности и сумбужности), а некоторая их адаптация для передачи словами, текстом – в меру моих литературных способностей. И, значит, это уже не совсем я рассуждаю, а некий литературный фантом, некий герой-рассказчик-рассуждатель.

Выражаясь в терминах давно и начисто забытой (а ведь было же, было: ободренные аудитории... комичный старик лет пятидесяти пяти, преподаватель аналитической геометрии, показывавший на себе, что такое поверхность, называемая *обезьяньим седлом*... лаборатория аэродинамики, перегороденная маленькой трубой... диплом на тему «*Движение нелинейного осциллятора под действием негармонического возбуждения*»... и еще какой-то *метод начальных параметров*...) науки: в процессе *сочинения* (результат которого мы также будем обозначать *сочинение*) возникает нетождественный *сочинению* текст, который есть некая функция/переменной *я*, а первой производной от этой функции является *персонаж*, то есть в условных математических обозначениях:

$$\begin{aligned} \text{текст} &= f(\text{я}) \\ \text{и} \\ \text{персонаж} &= \text{текст}', \end{aligned}$$

следовательно

$$\text{персонаж} = f'(\text{я}).$$

Второй же производной от функции *текст* является *сюжет*, третьей – *смысл* или *идея*, *идейное содержание* (*и. И.*), по определению критиков-материалистов, четвертой – *цель*, или, как ее называют некоторые идеалистически настроенные исследователи, *Божественное Назначение* (*Б.Н.*):

$$\text{Б.Н.} = \text{цель} = (\text{и. И.})' = \text{идея}' = \text{смысл}' = \text{сюжет}'' = \text{персонаж}''' = \text{текст}'''' = f''''(\text{я}).$$

Таким образом, получаем:

$$\text{Божественное Назначение} = f''''(\text{я}).$$

Сформулируем это равенство словами:

«Божественное Назначение» «сочинения» является четвертой производной от текстовой функции переменного «я». «Я» в данном случае обозначает некоторую личность, которую для простоты называют «творческой».

Примечание: иногда «я» называют также «автором», «художником», «демиургом» и некоторыми другими терминами. Мы (то есть автор. – *Прим. автора.*) в дальнейшем из соображений экономии знаков будем употреблять термин «автор».

Рассуждая от противного, а в некоторых частных случаях *сочинений* – от очень противного и даже отвратительного, мы легко придем к выводу, что последовательным интегриро... (УВЫ! НЕ ЗАВЕДЕНО ЗНАЧКА В МОЕМ КОМПЬЮТЕРЕ! А КАК БЫЛО БЫ ЭЛЕГАНТНО – ВЫТЯНУТЬ ЗДЕСЬ СКРИПИЧНЫМИ ПРОРЕЗЬЯМИ ИНТЕГРАЛЬЧИК-ДРУГОЙ!) ...ванием можно из *Божественного Назначения* получить *я*, то есть личность так называемого автора. Что же необходимо для этого? Как известно, необходимо математическое описание основной функции автора, то есть текстовой:

$$f(\text{я}) = \text{текст}.$$

Но именно с этим и возникают затруднения, поскольку до сих пор эксперименты не дали сколько-нибудь систематических результатов, которые позволили бы установить закономерность. Не определены даже основные константы, более того, относительно некоторых величин, таких, например, как часто употребляемый специалистами *талант* (обозначим T), есть гипотеза о свойстве меняться на отрезке, равном существованию одного *я* («автора»). Следовательно, T нельзя считать const. , а следует, в свою очередь, рассматривать как неизвестную функцию (обозначим ее F) от времени (t):

$$T = F(t).$$

Еще большую сложность представляет описание такого крайне редко входящего в уравнение $f(\text{я}) = \text{текст}$ члена, как *гений* (G). Отдельные источники указывают на некоторые необходимые признаки наличия G в функции $f(\text{я})$, например:

$$G \text{ и } Z = \text{несовм.},$$

где Z обозначено *злодейство*. Однако, даже если считать верным, что отсутствие Z в *я* есть необходимый признак существования G в этом *я* (что опровергается многими случаями), то признака достаточного мы до сих пор не имеем. Существует, впрочем, мнение, что использование коэффициента G в уравнении $\text{текст} = f(\text{я})$ правомерно, если *текст* и *сочинение* в целом не зависят от времени t ;

$$\text{текст} = \text{текст}$$

при

$$t \text{ (стремится) хрен его знает куда.}$$

Однако проверить это утверждение в тех случаях, когда *я* («автор») еще, черт бы его драл, жив, практически невозможно.

Наконец, многие считают, что наличие G несомненно, если *Божественное Назначение* не равно 0. Но это утверждение представляет собой тождество и порочную попытку определить одно неизвестное через другое, что передовая наука отвергает.

Эта самая передовая наука в последние годы склонна, чтоб она провалилась, и T , G , и еще многие прежде вносившиеся в рассматриваемое уравнение величины – такие как *труд* (TP), *удача* (U), *здоровье* (ZD) – умножать на коэффициент KCC (*критическое свободное слово*). Введение его в формулу сочинения значительно упрощает задачу, и мы получаем:

$$\text{текст} = f(\text{я}) = KCC \{G(\text{при } t \text{ любом}) + [T = F(t)] + TP + U + ZD\}(\text{я}).$$

Итак, мы можем описать *сочинение* – как процесс, так и результат – неопределенным (совершенно, гадство, неопределенным) уравнением со многими (и еще далеко не всеми) неизвестными и одним коэффициентом, хорошо известным многим из нас, который, если он равен нулю, приравнивает к нулю и весь многочлен. Если же учесть, что указанный коэффициент, мать бы его так, почти всегда равен именно нулю, 0, *zero*, то...

В общем, хватит, пока вы вместе со мною совсем не офигели и не запустили этой занимательной арифметикой в угол.

Хотя... Что-то в ней есть. Как во всякой науке: начинается вроде с чистой ерунды – циферки, буковки, значочки, искры сыплются между шарами, и пахнет хорошо, железяка светится в темноте – а потом как даст!..

Но до Чернобыля доводить не будем. А будем считать, что все понятно насчет автора, героя-рассказчика, текста и так далее.

И вернемся к делу.

И за большие заслуги в деле... ну, в общем, в нашем деле, герою-рассказчику присвоим почетное наименование.

Назову тебя И.

Нет, лучше № 1.

Потому что теперь все стали своих героев называть инициалами, мода пошла, почему-то вспомнили «господина N» и другие классические обозначения.

Значит, воспользуемся номером.

8

А получается-то г-н № 1 весьма несимпатичным.

Всячески декларирует свою ни с чем не сравнимую нравственность. Карьеру она ему сделать не позволила – пришлось бы, видите ли, поступаться своими принципами, манипулировать людьми, принимать себя и окружающее всерьез, отказаться от столь органически ему присущей наивной иронии. Вы, значит, возитесь как хотите, а я в сторонке ухмыляться буду. И при этом страшно обижается, когда получает в ответ – ну стой, мы себе другого найдем, он нас замотает, но и себе жилы рвать будет, а не посмеиваться. Надувает губы: я-то сам про себя могу сказать, что дурак и шут, но почему же вы соглашаетесь?

То же самое и с творчеством так называемым. Очевидно, стремится к осуждаемому самим же идеалу – и рыбкой перекусить, и присесть удобно.

Как-нибудь так устроиться, чтобы жить как добропорядочный мещанин, в достойном лицемерии и со всеми приличиями, а талант не зарыть и равняться в нем с пропойцами, бездельниками, настоящими злыднями и прочей гениальной дрянью.

Предлагать рукоплещущему человечеству прописи, рисунки домиков и собачек, любовь, одной левой побеждающую смерть, торжество добра, только что разбившего свой кулак о морду зла, – и жутко расстраиваться, обнаружив все это уже имеющимся в букваре.

При этом с отвращением и даже ненавистью плевать в сторону тех, кто заплатил за умение создавать готовностью разрушать – себя, свою мораль и жизнь, жизнь близких и так далее, вплоть до всего мира включительно. Фу, как нехорошо! Тот был жуликоват, тот растлитель, а этот, современник, и вовсе только вид делает, что исчадие, а на самом деле хитрован и карьерист...

А вот сам № 1 – лапочка.

Пожалуй, извиняет этого господина только одно: уже упомянутое происхождение. В мирном обывательском семействе вырасти нечто действительно экзотическое вряд ли могло. Отклонение от заурядности незначительное, а результат плачевный: раздвоение в чистом виде.

Среди хороших скучно, среди интересных противно.

К «Герою нашего времени» приписать бы хэппи-энд... И еще – убрать мерзкую эту историю с издевательством над Грушницким, гадость же. И в конце Максим Максимыч, сам герой, Мэри и эта... как ее... ну, черкешенка... то есть она, кажется, и была Мэри... или Мери... в общем, скажут к горизонту.

9

Впрочем, что ж происхождение? Генетикой все объяснить можно, семьей и школой, но неприятное чувство к этому № 1 остается. Снисхождения он, конечно, заслуживает, тем более что никому, в общем, большого зла специально не делал, только брюзжит да с собой разбирается. Но в общем тип не из привлекательных со всеми его моральными кодексами, прозрениями в рамках умеренности и – забыли упомянуть – сентиментальной до слюнявости любовью к животным. Он такой ТЕПЛЫЙ! – говорят о нем даже симпатизирующие ему (немолодые тетки в основном). Забыв – а может, и не зная, – что не горячего и не холодного, а именно ТЕПЛОГО ИЗБЛЮЮ ИЗ УСТ СВОИХ...

10

Правда, в той считалке мы пропустили короля и королевича. Этому можно дать такое объяснение: титулы иностранные, а наш № 1, будучи с детства низкопоклонником и космополитом, с наслаждением вслушивавшимся в хриплое эхо дальней жизни, в зрелом возрасте стал патриотом – оставшись, как ни странно, и западником, еще одно проявление шизофрении. Поэтому ни о какой перемене географии и возможном достижении там высших степеней не помышлял. То есть если только бежать придется, от большой беды и под угрозой...

Но в то же время «король» и «королевич» в его системе понятий и соответствующих им условных терминов присутствовали.

Слово «король» он употреблял – главным образом мысленно – в том переносном смысле, в котором существовали дошедшие из его полного вычитанных мифов детства «нефтяные короли», «короли джаза» и Беня-Король. Сам он ни в мечтательных и жадных подростковых годах, ни в годах вполне сознательных и даже еще позже, немолодым человеком, совершенно не замахивался на королевский титул, правильно предполагая, что за королевство надо немало заплатить – может, самой жизнью или, по крайней мере, серьезными событиями, судьбой. А к этому он, как уже сказано, не был готов в силу своей умеренности, неприятия крайностей. Нет уж, думал он, читая художественную литературу сверх программы вместо приготовления урока по тригонометрии, таская из сахарницы куски рафинаду, – лучше обойдусь без памятника с бронзовой шляпой, чем на дуэли меня убьют. Удивительна, не правда ли, такая трезвость в тринадцатилетнем человеке? Но что было, то было, нам достоверно известно.

При этом к королям и даже к королевичам испытывал спокойное уважение, начисто лишённое зависти, просто признавал их права. И то сказать: а чему завидовать? Судьба. С самого детства, с рождения, некоторые особые обстоятельства, как правило – незаурядность общественного положения родителей и связанный с этим риск падения, которое тоже в своем роде избранность, привилегия: грохнуть могли только те, кто высоко забрался. Отечественные цари и царевичи отправлялись в лагеря, а сыновья и дочери начинали рано хлебать настоящую жизнь, что уже годам к двадцати наполняло их таким запасом энергии, таким потенциалом, который быстро вырабатывает из просто способного молодого человека настоящего королевича, даже международного класса, а потом, по прошествии десятилетий уже собственных подъемов и картинных срывов, истинного и общепризнанного короля. Действительно понимают они что-то такое, чего № 1, проживший тихо и, в общем, безбедно и безрадостно, понять никак не может, какие-то вроде бы простые, но серьезные, фундаментальные вещи. Не стесняются казаться банальными и даже не очень умными, но при этом почему-то сохраняют значительность, которая ему не дается ни безупречностью вкуса, ни интеллектуальными прорывами...

Словом, короли – они и есть короли, а мы с тобою, дорогой мой № 1, как было сказано, сидим на заборе и заслоняемся руками от солнца. И каждый день им дается то, что нам, может, досталось по разу-другому за всю жизнь, – но они за это платили вперед.

И пошли им бог здоровья и долгих лет, а нас избавь от ехидного нашего взгляда, замечаящего их немощь, лень ума, даже мелкие пошлости. Королям позволено, а мы сами отказались от королевства – пусть у нас и шанса не было, но ведь мысленно-то, в мечтаниях-то отвергли? Помнишь: не надо мне бронзового цилиндра и голубя, гадящего на плечо, но и пули в живот не хочу... И отца с матерью, ушедших по пятьдесят восьмой, не надо, и реабилитированных их друзей. И даже просто раскулаченных или с происхождением – не надо. Пусть мирные сапожники и портные, пусть потом всю жизнь их наследственность тянет тебя в тень, пусть робость одолевает не вовремя... И так проживем. Пройдем обочиной, веж-

ливо уступая дорогу встречным, любезно улыбаясь каждому. Незаметно, но по возможности достойно. Осторожно неся, чтобы случайно не уронить, спрятанную под безукоризненным – по средствам – пиджаком, как Walter PPK в плечевой кобуре, потайную гордыню.

Правда, иногда вежливость оборачивается суетливостью, любезность – тьфу, черт! – искательностью... Ну что поделаешь, объяснимо: слаб, как положено человеку.

На том и порешим.

11

Ладно, надо докрутить до конца метафору, разобраться с сапожниками и портными.

Или не докручивать?..

И вообще – стоило ли городить огород?..

Придумал некое сравнение, более даже хромое, чем обычно, чтобы объяснить, к какому социально-психологическому типу принадлежит лирический герой № 1. Кстати, и появившийся-то под этим именем – вот, пожалуй, единственное достижение – по мере разворачивания затянувшегося приема. Ну, и объяснил? Да ничего не объяснил, кроме того, что вроде бы художественного склада персонаж, но с сильной мешанской закваской, и от этого мучается раздвоением какой-никакой, но личности. Вот и все, так и можно было сразу сказать, не громоздя всяких царевичей-королевичей и прочей многозначительной ахинеи. В рамках которой сапожники и портные представляют, как уже, наверное, понятно, тех, кто занят практической жизнью, – рабочих и инженеров, врачей и учителей, системных программистов и менеджеров в сфере real estate... И понятно, конечно, почему № 1, как бы ни тянули его семейные традиции и даже какие-то собственные способности в эту сторону, при первой же возможности бежал в противоположную, туда, где предмет деятельности иллюзорный, цели расплывчаты и никак не формулируются без высоких слов, а квалификация, место на шкале престижа и оплата определяются не потребителями, а самими производителями, присваивающими друг другу категории вплоть до «великого художника» и «гения»...

Опять заболтался. Хватит.

Лучше займусь окружающим нас всех, в том числе и господина № 1, миром, который его категорически не устраивает.

Кто кого не устраивает, ты, стилистический инвалид?! Мир – господина № 1 или наоборот?

А это всегда взаимно.

12

Можно было бы проследить историю расхождений между объективным течением времени и параллельной эволюцией моего единственного на все времена персонажа по имени Номер Первый, или, короче, № 1, – проследить от самого рождения, вспоминая отрывочные рассказы о его появлении на свет и первых годах жизни, более или менее правдоподобно домысливая неизвестное, исходя из общих сведений, руководствуясь логикой... Но это потребовало бы определенного (что значит «определенного»? Дурацкое выражение, как и «достаточного» – все это современные уродования речи) повествовательного насилия над свободным извержением слов, которое мы – помните? согласны? – приняли принципом данной работы.

Поэтому лучше влетим в сложившееся положение с разгону, прямо в сегодняшние ощущения, соответствующие дню, когда это пишется.

13

Нечто гложет № 1 уже несколько часов, с того времени, когда, проявив свое всегдашнее слабодушие, он согласился пообедать с друзьями. Точнее было бы, конечно, назвать их приятелями, так как, во-первых, друзей в собственном смысле этого слова у № 1 уже давно нет, а возможно, и никогда не было в силу его глубочайшего безразличия к людям вообще; и, во-вторых, те именно, кто зазвал его на обед в ресторане вопреки его абсолютному отсутствию аппетита, твердому решению не пить и вообще не тратить деньги без особой нужды, уж никак не могли считаться друзьями – самое большое хорошими знакомыми.

И, в общем, мужчина, несмотря на постоянно проявляемый им интерес к посторонним и незначительным лицам и событиям, был доволен (Опять! «Довольно» для чего?) симпатичен господину № 1. Рабский интерес к окружающему был простителен, поскольку в значительной степени порождался способом добывания куска хлеба, такая у мужчины была неприятная профессия. А сам он был мил и добр, достаточно (вот тут к месту!) неудачлив, чтобы не благоухать самодовольством, и достаточно уверен в себе, чтобы не портить воздух комплексами.

Но вот дама...

Боже мой, какими нестерпимо противными бывают женщины!

Иногда я – и вместе со мною г-н № 1 – изумляемся: какова же сила телесного желания, если она способна победить совершенно естественное омерзение, испытываемое любым, пожалуй, мужчиной от общения с особями иного пола!

И ведь все они почти равно отвратительны, независимо от того, к какому из основных типов принадлежат.

Допустим, это один из распространенных – и, заметьте, еще и самых привлекательных – видов: «прелестная debilка». Кретинская – и наверняка специально культивируемая – неспособность воткнуть вилку в розетку, запомнить дорогу с двумя поворотами и правильно употребить падежное окончание. Безошибочный выбор при любой покупке в пользу вещи более дорогой и худшего качества. Шумная радость от примитивной шутки и надувание губ – «какая пошлость» – от изысканной остроты. Жирная грязь везде, где не видно, назойливая чистота на виду и неумение запомнить, где что лежит. Полная беспомощность в любом деле, безнадежная тупость в любой профессии – при уверенности, что так и должно быть, «неужели вы будете ругать женщину?», ей кажется, что курносость и пухлые губы извиняют все... В общем, не хочется продолжать.

Или, предположим, «звезда компании» (пропускаем множество других, не менее часто встречающихся разновидностей). Убежденность в собственных исключительной одаренности, высочайшем профессионализме (часто лезет в ту же профессию, в которой на высоком уровне действуют ее мужчины) или выдающейся привлекательности – в наихудшем случае и в том, и в другом, и в третьем. Полнейшая уверенность, что иллюзию ее значительности разделяют все окружающие – особенно, разумеется, мужского пола. Постоянные рассказы о торжествах своего таланта, ума или (и) красоты. При этом пользуется мужиками – связями и прямой поддержкой вплоть до кошелька – с ловкостью опытной проститутки. Очарование ее действует, правда, не на самых умных, но терпят почему-то все.

А сколько есть комбинированных, промежуточных типов! Например, «безобразная debilка» – со всеми недостатками «прелестной», но без ее милой внешности... Или «звезда компании», сочетающая все свои качества с убийственной назойливостью «верной подруги», – тоже та еще категория... Или «я и так хороша» – вообще ужас...

Нет, положительно загадочна любовь, если она способна все это победить. Впрочем, как известно, любовь побеждает смерть.

И вот, значит, № 1 обедает с этими друзьями, с симпатичным малым и, скажем, «всемирной верной подругой всех, звездой первой величины самой лучшей компании города».

Боже мой, думает он, поедая без всякого желания не особенно вкусную еду, выпивая смертельно опасную для него водку в обстановке, которая ему если не противна, то уж во всяком случае безразлична, Боже мой, как я провожу жизнь! Говорю о неинтересном, утомительно улыбаюсь, сижу прямо... А хочется лечь, закрыть глаза, и чтобы рядом было кислое питье, и заботливая жена массировала плечи и шею. Или долго ехать куда-нибудь по хорошей дороге, разглядывать симпатичный пейзаж и чувствовать на лице прохладный ветер из полностью открытого окна машины. Или просто сесть в удобное кресло и задремать, но чтобы поблизости была жизнь, тихонько ходили и переговаривались между собою любимые домочадцы. Какие, к чертовой матери, друзья и любовницы, все больше раздражаясь думал № 1, по-настоящему нужны только домашний врач и нянька, да еще – нет, в первую очередь – единственная женщина, которую берешь за руку бессознательно, как только она оказывается досягаемой, так автоматически берут за руку идущего рядом ребенка, так начинают гладить кошку, едва она усядется на коленях... Но врачи смотрят мимо и интересуются только анализами; у няnek своя жизнь, для которой ты не цель, а средство; женщину же за руку взять удается редко, потому что руки почти все время заняты – и твои, и ее.

Между тем обычный разговор образованных и с неплохим положением людей – состоящий на две трети из сплетен, а в остальном из более или менее удачных острот, высказывания мнений, в основном вполне расхожих, и самовосхваления – шел своим чередом. Политические и светские новости, окрашенные лестной для собеседников интонацией причастности или, по крайней мере, близкого знакомства с основными участниками событий, оценивались с позиций как бы реального знания, как бы трезво, без предубежденности – на самом же деле со смешным наивным цинизмом подростков, только что точно узнавших, что следует за поцелуями.

№ 1 положительно измучился – сил больше не было поддерживать эту болтовню хотя бы минимальным, из приличия, участием, да еще старательно скрывать отсутствие интереса и усиливающуюся неприязнь к тем, кому при этом вполне любезно улыбался. И сидеть в тесном зале среди запахов еды стало абсолютно невыносимо...

14

Тогда № 1 на несколько минут, может, всего на две-три, эмигрировал из жизни, скрывшись в бесконечно придумываемом им сюжете.

Кстати, ведь именно недостижимая мечта о совершенном и образцовом сюжете привела в конце концов к тому, что от всякого сюжета, как было сказано в самом начале, отказался полностью в пользу неорганизованной свободной речи. Но дружеская беседа настолько истерзала (опять незаметно вернулись к безличным оборотам!), что, не имея сил сопротивляться давней постыдной страсти... Итак.

15

Дамы и господа! Вашему вниманию предлагается универсальный сюжет для всей семьи. При его создании использованы высшие достижения мирового и отечественного сюжетостроения – от «Трех мушкетеров» до «Крепкого орешка – 3» с включением «Великолепной семерки» («Семь самураев») и многих других высококачественных продуктов и компонентов; современные технологии – все записано на ноутбук Toshiba Satellite I ЮСS – и экологически чистые материалы: вы не найдете здесь слов «отпарировал», «пошил», «обустроил», выражений «в этой связи» и «на тему о...» – только природный русский язык по традиционным рецептам с минимальным количеством вкусовых добавок для обозначения времени действия либо характеристики персонажей. Сюжет приспособлен для российских условий и годится для чтения, изготовления кинофильмов, телевизионных сериалов, инсценировок и пересказа знакомым – все это не потребует специальных навыков. Употребление сюжета в соответствии с расположенными внутри него рекомендациями «представьте себе» гарантирует невозможность оторваться от чтения или просмотра, способствует размышлениям об устройстве и смысле жизни, укрепляет светлую грусть и, наконец, дарит вам радость от победы добра. Сюжет безвреден и выводится из организма через несколько часов. Возможно и многократное его применение...

16

Господи! Ну чего ерничать-то? Или, как следовало бы сказать о таком словоблудии по-современному, – стебаться... И прием-то с пародированием рекламы – из самых дешевых. Правда, позволяет в «легкой, увлекательной форме» объяснить или хотя бы намекнуть, откуда все взялось, из какого именно сора вырастает данный, извините, цветок...

Опять?! Да хватит же!

Ведь всегда хотелось написать именно это, и хотелось вполне всерьез, и убежден, что вот теперь придумал...

Тут № 1 начал-таки всерьез.

Поэтому снова...

17

Итак.

НЕ ПРОПАДАЙ НАДОЛГО

Сюжет

Представьте себе – темнота.

Так темно бывает в комнате с наглухо задернутыми шторами, это теплая темнота сна в середине ночи. Телефонное дребезжание раздается будто над самым вашим ухом. Еле видная светлая тень проплывает в воздухе – это поднялась рука, и близко к вашим глазам оказался циферблат часов со старомодными светящимися цифрами и стрелками. Половина второго... Звонок оборвался после короткой возни с нащупыванием трубки. Хриплый со сна, застоявшийся голос прозвучал неестественно громко – как бывает в тишине, да еще и в темноте.

Слушаю... Кто?.. Ни хрена себе... Не понял... Давай подробней...

Бормочет в ухо трубка.

Все чище и яснее голос человека, еще пять минут назад тяжело спавшего после длинного рабочего дня и длинного нетрезвого вечера, совсем уже он проснулся.

Шлепает рукой в темноте, пытаюсь найти выключатель настольной лампы, а выключатель куда-то делся, блядь.

И под эти шлепки, телефонное бормотание и короткие вопросы в темноте с вечера прокуренной комнаты начинается история, которая могла бы произойти в любое время и с любым из нас, со мной или с вами, но не происходит, слава богу.

Разве что ночью, в полусне, когда так легко принять чужой голос за свой, чужую беду приложить к своим неприятностям, а чужое умение представить доступным тебе.

И эти ребята, мои и ваши ровесники, теперь будут делать то, что нам бы хотелось, да не решаемся, и справляться со своими проблемами так, как нам никогда не придется.

Сейчас мы познакомимся со всей компанией.

Начинается сказка, опять начинается сказка, снова нам предстоит по каньонам коней загонять, маски старые, вечный расклад и, конечно, все та же развязка – помирать-выживать, как болгарским крестом вышивать.

Соберутся старые друзья, каждый, хоть и стар, порядком стоит, связываться с ними вам не стоит, шансов нету, точно знаю я. В глаз стреляют муху на лету, семерых кладут одною левой, спят, уж коли спят, то с королевой, и берут любую высоту. Соберутся, гадов отметелят и ускачут грустно на закат. Здоровеет дух в усталом теле от историй про таких ребят.

Начинается сказка, опять начинается сказка...

Песня постепенно затихает.

Впрочем, нет, не нужно нам этих самодеятельных песен, этой как бы иронии. Лучше так.

Бормочет трубка, задает короткие вопросы человек, слушающий ее бормотание во тьме, но постепенно эти звуки перекрываются голосом мальчишки, заучивающего стихотворение из хрестоматии: «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботы суетного света он... как там... малодушно погружен, молчит его святая лира... вот, блин, опять забыл... душа вкушает хладный сон...»

И вспыхивает свет.

Представьте себе – пробуждение.

На сползшей с матраца простыне, поставив на пол голые уродливые ступни немолодого мужчины, сидит человек. Обстановка обычной городской советской комнаты – убогая прелесть старых вещей, по которым вовсе невозможно определить время действия. Не то двадцать четвертый, не то тридцать седьмой, не то пятьдесят второй, но, может, и девяносто первый... Конечно, обязательный резной буфет до потолка со снятым – потолок низок – декоративным верхним карнизом, не то фамильный, не то купленный за гроши в те времена, когда жлоб охотился за румынской стенкой, а интеллигенция обставляла кооперативы с Преображенского рынка.

Возле постели стоит неведомо как оказавшаяся здесь вращающаяся рояльная табуретка, на ней полная окурков большая мраморная пепельница. Человек вытаскивает наиболее сохранившийся окурок, чиркает зажигалкой, затыгивается, закрыв от наслаждения глаза.

Встает, подходит к буфету, присаживается перед ним на корточки. Жутковатые семейные трусы и растянутая нижняя рубашка не могут скрыть его фигуры – сильно обозначенные икры, жилистые длинные руки, покатые, но мощные плечи, – он похож на старого лося.

Сидя на корточках, распахивает дверцы нижней части буфета, вываливает оттуда на пол какие-то тряпки, старую одежду, картонную коробку, которая при этом раскрывается, и по полу раскатываются спортивные медали на лентах... Наконец достает длинный чемодан или футляр из прекрасной кожи, некоторое время смотрит на него, все так же сидя на корточках... Трудно понять, что при этом выражает его лицо.

Так и не открыв футляр, относит его к двери.

Берет со стула одежду, натягивает грубо связанный свитер, вельветовые штаны мешком, зашнуровывает, сидя на кровати, тяжелые ботинки.

Вытаскивает из пепельницы еще один бычок, раскуривает. Подходит к подоконнику, на котором стоит телефонный аппарат, явно купленный в те же времена, что и буфет. К телефону множеством разноцветных проводов присоединен древний портативный катушечный магнитофон.

Нажимает клавишу. «Сереженька, вы обещали позвонить, – говорит кокетливый женский голос, но человек щелкает клавишами, проматывает пленку, и уже другая женщина продолжает: – ...заходила в среду, что же ты, зараза, делаешь, я ж не сплю, – щелчки, шорох протягивающейся пленки, третий женский голос, пьяноватый: – ...прямо сейчас и приезжай, мы тут сидим, а мне без тебя ску-учно... – щелчок, и неожиданно мужской голос, деловой: – ...Сергея, завтра моя смена в тире, не подменишь? Перезвони...»

Человек переворачивает катушки, берет микрофон, надиктовывает на свой «автоответчик»: «Я уехал. Вернусь через месяц».

Секунду думает, прокручивает ленту назад, диктует снова: «Я уехал». И останавливает запись.

Стягивает с вешалки старое длинное пальто из некогда шикарного букле, подхватывает футляр и захлопывает за собой дверь.

Пустая комната.

Незастеленная постель на диване.

На буфетной доске – ряд наградных жестяных кубков.

И множество картинок по стенам – изображения стреляющих людей на лыжах. Вырванные из книг учебные рисунки, старая гравюра: охотник на плетеных снегоступах с кремневкой, положенной для прицела на рогатину, фотографии самого обитателя комнаты – лежащего в снегу, развернув лыжи в стороны и целящегося; несущегося по редколесью с косо висящей винтовкой за спиной; стоящего на пьедестале почета под надписью «Чемпионат СССР по биатлону»...

В поезде метро футляр мешает людям, они смотрят на Сергея с ненавистью, он, извиняясь, проталкивается в угол, ставит футляр вертикально, оперев его на носок ботинка.

Глядит на свое отражение в темном зеркале дверного стекла. Длинное, в глубоких складках лицо, седые волосы, лежащие на поднятый воротник пальто, – когда-то так выглядели художники, не настоящие, а из тех, кто копировал парадные портреты по клеткам и делал афиши к фильмам во весь фасад кинотеатра... В стекле отражение несетя на фоне туннельной стены, серые тени мелькают...

Вот тень:

пятеро солдат в старой форме, еще в мундирах со стоячими воротниками, выходят из вагона, на вагоне табличка «Вюнсдорф – Москва», явные дембеля в выгнутых горбом погонах, в значках и нашивках, с дембельскими немецкими чемоданами, один из них – молодой Сергей, они идут по перрону в ряд, передавая друг другу бутылку и глотая на ходу из горлышка, а навстречу движется строгий и непреклонный столичный патруль, а они идут, и Сергей клоунски отдает честь левой рукой с зажатой в ней бутылкой, патруль каменеет, а друзья спокойно проходят мимо – и вдруг срываются, несутся, как пацаны от завуча, топя тяжелыми сапогами, и вылетают на площадь Белорусского вокзала, полную старых «волг», носильщиков, командированных с колбасой и апельсинами в авоськах и дембельских неопределенных надежд на счастье.

Еще тень:

Сергей в распахнутой дубленке, под которой виден спортивный свитер с гербом, среди таких же здоровых ребят в таких же свитерах спускается по трапу самолета, несколько фотографов фиксируют возвращение сборной, спортивные чиновники в шапках-пирожках из нерпы, по тогдашнему канону, жмут победителям руки; чуть в стороне, посмеиваясь и переговариваясь между собой, стоят четверо повзрослевших сослуживцев, и Сергей незаметно выбирается из официальной толпы, делает шаг к друзьям, один из которых, передразнивая технику биатлона, как бы вытягивает из-за спины винтовку, но в руке у него бутылка, он прицеливается горлышком в Сергея, и пятеро мчатся, бегут с летного поля, как бежали дембелями по

перрону Белорусского вокзала, а длинный кожаный футляр Сергей держит осторожно, чуть на отлете.

И еще тень:

зимнее кладбище с засыпанными снегом узкими проходами между оград, холм свежей земли, вокруг открытого гроба на высокой кладбищенской тележке теснится, оступаясь в сугробы, небольшая толпа, старики в меховых шапках, женщины в платках коробом на лоб, мальчик в круглой вышитой шапочке, и в этой толпе стоит Сергей, уже седой, с тремя не меньше, чем он, постаревшими друзьями, а серое, с выпуклым лбом и коротким, прямым и ставшим после смерти костистым носом лицо пятого из компании едва возвышается из цветов, и вот уже могильщики вытаскивают свои веревки из-под опущенного в землю гроба, а четверо, шагая рядом, уходят по белой широкой центральной аллее, среди памятников и крестов, медленно шагают, будто и не бегали никогда.

Пронеслись в тишине тени видений за стеклом – и звуки вернулись, загрохотал поезд метро, зажужжали голоса пассажиров, лицо Сергея плывет, отражаясь в темном стекле.

Представьте себе – расплывается отражение.

И плывет, отражаясь, уже другое лицо, в котором с трудом можно найти черты одного из тех, кто бежал когда-то от комендантского патруля по перрону Белорусского вокзала. Это оплывшее круглое лицо некрасиво состарившегося человека. Тонкие и очень длинные волосы вокруг неопрятной плечи шевелит ветер, по щеке катится капля пота, рот кривится от напряжения. На зеркальной поверхности мутнеет пятно от его дыхания.

Широко растянув руки, человек несет огромное зеркало – стеклом к себе – в старинной резной раме. Дует зимний ветер, несет мелкий снег, но человек работает в одних старых джинсах, из которых вываливается широкое брюхо, и майке, прилипшей к жирным плечам. Растоптанной кроссовкой он нащупывает ступеньку на крыльцо, протискивается боком и присев, чтобы зеркало прошло по высоте, в подъезд – дверь настезь, небольшая стопка связанных веревкой старых журналов придерживает ее, «Искусство кино», 1971 год...

Из кабины мебельного фургона, у распахнутых задних ворот которого пыхтят, вытаскивая длинный павловский диван красного дерева, еще три грузчика, высовывается шофер. «Леха, – кричит он вслед уже почти скрывшемуся в подъезде человеку с зеркалом, – диспетчер звонила! Тебя какой-то Руслан ищет, понял? Сказал срочно позвонить, понял, нет?!»

Огромная пустая квартира. То, что на дикарском языке называется евроремонт. Алексей осторожно ставит зеркало на пол, осторожно прислоняет его к стене рядом с уже внесенными угловой горкой, лаковым китайским столиком, золоченым штофным креслом...

На подоконнике, подобрав красивые ноги в чулках – сапоги сброшены на сверкающий паркет, – сидит девица в длинной распахнутой шубе, наблюдает сверху за разгрузкой. Не замечая Алексея, взволнованно комментирует: «Ну, блядь, ну, все исцарапают же, козлы!..»

Алексей кашлянул, она оглянулась. На красивом лице выражение глубокой озабоченности. «Позвонить, – говорит Алексей, – можно позвонить от вас?» Девица машет рукой куда-то в глубь квартиры – да звони, если надо, – и продолжает с возмущением, ища сочувствия у толстого работяги:

«Мы артистке за обстановку тридцать штук отдали, ты понял, а твои уроды сейчас обдерут все!.. Я по столынику за царапину снимать буду, ты понял?..»

Алексей молча уходит.

На мраморном полу посередине кухни, беспорядочно заставленной ящиками с надписями “Siemens” и “Bosch”, стоит телефон. Алексей снимает трубку, отходит с нею к окну, набирает номер, глядя, как внизу останавливается рядом с фургоном тяжелозада немецкая машина, выходит из нее человек в темном пальто и заводит с неаккуратными грузчиками серьезный базар...

«Русик, – говорит Алексей в трубку, в голосе его забота и странная нежность, – это я... Случилось чего?..» Слушает, выражение лица его постепенно меняется, теперь даже не заметны одутловатость и дряблость – мощные скулы очень сильного мужчины. И гигантский бицепс, и огромная кисть, в которой почти не видна трубка с короткой антенной...

Не взглянув на продолжающую с еще большей увлеченностью свое наблюдение нанимательницу, проходит через комнату. Останавливается перед принесенным им зеркалом, лезет в задний карман штанов, вынимает круглую резинку, автоматическим движением стягивает остаток волос на затылке в pony-tail.

Несколько секунд внимательно смотрит на свое отражение.

Видит молодого атлета – помост, широко расставленные ноги, черное трико, кожаный пояс, перетягивающий еще только намечающийся живот, и чуть вздрагивающие вскинутые руки, вознесшие над головой заметно прогнувшийся гриф штанги. И расплывчатые фигуры зрителей, вскочивших на трибунах, разинувших рты в беззвучном вопле восторга...

Видит толпу, стоящую под афишей «VII Московский кинофестиваль. “Беспечный ездкик”»... А вот и он в толпе, в лопающейся на плечах тенниске, в длиннейших и густых кудрях, вот и элегантный Сергей в белой куртке и белых джинсах клеш, вот и остальные...

Крепко зажмуривает и сразу открывает глаза.

В зеркале темная пустота – нет никакого отражения, ни его, ни комнаты...

Выходит из подъезда.

Толкает коленом, отодвигая с дороги, поставленный на снег диван.

Обойдя продолжающих дискуссию хозяина и работников, вынимает из фургона перегородивший проем гигантский пейзаж в тяжелом багете.

Оглянувшись и не найдя, куда поставить картину, сует ее в руки одному из грузчиков, владелец успевает подхватить другой край.

Снимает висящую на запорном крюке фургонных ворот кожаную куртку, натягивает, наглухо застегивает косую молнию.

При полном молчании растерявшихся зрителей лезет в глубь фургона.

Оттуда выдвигается и косо опускается на снег дощатый пандус.

Вылетает пустая пивная банка, еще одна.

И через мгновение, ужасающе ревя двигателем, выпрыгивает из темной глубины, срывается по доскам мотоцикл, старый рогатый «Харлей», а над седлом полустоит пожилой easy rider.

Подняв пологую струю снега, разворачивается возле крыльца, застывает на миг.

Окаменевшая группа смотрит на него от фургона.

Он наклоняется, подхватывает журнальную пачку, кладет ее перед собой на бак.

И уносится в снежном вихре, в реве.

Стелется по ветру жидкая косица.

«Он чего, вообще, по жизни?» – спрашивает, выглянув из-за рамы, новосел.

«Он рояль один на шестой носит, – отвечает, выглянув из-за рамы с другой стороны, грузчик. – А ездит всегда сто тридцать. А сам полтинник осенью разменял. А в обед четыре баночных примет – и нормально. А однажды поспорил на сто баксов и с эстакады...»

Снежный вихрь и рев уже далеко.

Представьте себе – снежный вихрь белых искр.

Крутится с визгом шлифовальный круг, толстые, вроде бы неловкие пальцы прижимают к нему какую-то маленькую железку, почти в этих пальцах невидимую.

Человек подносит железку близко к глазам, рассматривает, вращение круга замедляется, замирает.

Люди с такой внешностью изображают в рекламе милых европейских дедушек – аккуратный седой пробор, седые усы щеточкой на круглом лице, очки-«половинки» на кончике носа, вязаная кофта поверх белоснежной рубахи с клетчатым галстуком, на левом мизинце небольшой и явно старинный перстень.

Очень трудно узнать в нем одного из тех пятерых друзей, вернувшихся из армии солнечным сентябрьским днем в начале шестидесятых.

Он сидит за перегородкой, отделяющей рабочую часть помещения от предназначенной для клиентов. Сейчас в мастерской пусто.

На стене позади него висят десятки болванок для ключей, прејскуранты и объявления: «Клепка и точка коньков», «Ремонт зонтов», «Печати и штампы»...

Рассмотрев готовый ключ, он кладет его на верстак, удивительно старомодным жестом, как бы оставаясь в образе, удовлетворенно потирает руки и тянется к стоящему на отдельном столике для инструментов телефону – не столько старому, сколько битому-перебитому, заклеенному скотчем. Одновременно вытаскивает откуда-то из заднего брючного кармана записную книжку, начинает листать, другой рукой не глядя снимает трубку... Есть! Телефон летит на пол.

Но прежде чем была снята трубка, прежде чем коснулся пола многострадальный аппарат, раздался звонок – короткий, прервавшийся.

«Алле-о, – по-барски растягивает слесарь, – будьте добры, погромче, у меня... гм-м... плохой аппарат... Да, Виктор Павлович слушает... Кто?! Да, слушаю, конечно, слушаю!...»

Прижимая трубку к уху, кряхтя, медленно сгибая и скрещивая по-турецки ноги в отличных фланелевых брюках и домашних туфлях с меховой опушкой, он усаживается на пол – этого требует слишком короткий, перекрученный шнур между трубкой и аппаратом, поднять который уже невозможно, он развалился на части, но почему-то продолжает работать.

«Слушаю, Руслан, – повторяет старик время от времени, – да, я тебя слушаю... Ужас... Я понял... Понял...»

Он выходит на улицу – грузный, важный, в дорогом светлом пальто, в хорошей английской кепке – пожилой джентльмен. Запирает дверь, над которой написано «Металл оремонт». Открывает дверцу старого, но вполне приличного на вид «Мерседеса»...

Открывает сетчатую дверь старого лифта в старом просторном, со следами сталинского шика подъезде...

Открывает толстую, красиво обитую дверь квартиры...

Из глубины коридора, спотыкаясь, падая и скользя на животе по паркету, бежит его встречать мальчишка лет пяти – круглолицый, копия деда.

Из кухни появляется высокая немолодая дама, красиво причесанная, в светлом фартуке поверх элегантного темного платья, в туфлях на каблуке.

Из гостиной выходит, катя за собой пылесос, молодая женщина в джинсах и клетчатой мужской рубашке навывпуск.

Из кабинета, оставив открытой дверь, за которой видны книжные стеллажи и стол с компьютером, делает шаг в коридор мужчина лет тридцати, фамильно круглолицый, в сползших на кончик носа точно так же, как у отца, очках.

И это все тоже как бы из рекламы или сериала: эпизод называется «Клан встречает патриарха».

А сам патриарх, не раздеваясь, оставляя на полу мокрые следы, проходит в спальню, становится на колени перед кроватью и с трудом вытаскивает из-под нее небольшой старый чемодан – такие были в моде в пятидесятые: черный, лакированный, с желтым кожаным кантом по ребрам.

Сев на постель, раскрывает его. Это походный набор слесаря-взломщика – отвертки, сверла, коловороты, клещи и плоскогубцы в ременных петлях и гнездах, ручная дрель, разводной ключ, фомка и гроздь отмычек на проволочных кольцах...

Входит и садится на постель рядом с ним жена. Он делает вид, что не замечает ее, она двумя руками поворачивает к себе его голову – возможно, таким жестом она когда-то начинала поцелуй – и просто смотрит в его лицо.

Он высвобождается, склоняется к чемодану, рассматривает, вынимая, некоторые инструменты, кладет их на место...

На дне чемодана лежит старый альбом в плюшевом переплете.

Жена вынимает альбом, раскрывает на коленях.

И он заглядывает сбоку.

Он видит:

старые черно-белые фотографии, на одной – застолье в «Арагви», все пятеро еще почти такие же, какими вернулись из армии, он – в центре,

на другой – он возле новенького «москвича», на капоте сидит его молодая жена, друзья позируют, как бы толкая машину, на третьей – он, уже немного погрузневший, с молодыми усиками, держит на руках сына, жена стоит рядом, позади «Волга» и недостроенная дача – открытые стропила – посреди пустого, со штабелями досок и грудой кирпича участка,

на четвертой – он, худой и заросший серой щетиной, в эковской телогрейке и мятой ушанке, с узелком в руке, перед воротами лагеря,

на пятой – современной, цветной – уже почти такой, как сейчас, с непокрытой седой головой стоит у небольшого надгробья на заснеженном кладбище, а рядом – трое, тоже старые...

Он закрывает альбом, кладет на кровать. Закрывает чемодан.

Несколько минут они молча сидят рядом на постели – Виктор и его жена...

В коридоре садится на банкетку возле вешалки невестка...

В кабинете сын сел за стол, достал из пачки сигарету, но не прикурил – невидящими глазами смотрит на экран монитора, по которому бегают заставка: за маленьким человечком бесконечно гонится огромный динозавр...

И мальчишка тоже присел, чтобы деду была удача в дороге, – выкатил откуда-то педальный пластмассовый вездеход, влез...

Виктор садится в машину, перегнувшись, бросает чемодан на заднее сиденье.

Секунду сидит, глядя прямо перед собой.

И уезжает.

Ряды окон на огромном фасаде сталинской высотки, они блестят, отражая свет, и нельзя понять, из каких именно смотрят вслед уехавшему.

Представьте себе – сверкающие стекла шикарной московской новостройки.

А за стеклами длинный коридор, ведущий от холла к холлу, искусственный мрамор, полированный пластик под дерево, искусственные березы в кадках, синтетические ковры, металл под бронзу и через каждый метр светильники в виде факелов над маленькими нефтяными вышками...

По коридору очень быстро идет молодой человек под стать интерьеру – длинное черное пальто нараспашку, черный костюм, черная рубашка, черный галстук, черный cellular держит возле уха. За ним спешат двое почти таких же, только по сложению видно, что охрана.

«Все уже едут, дядя Миша, – говорит молодой человек в телефон, – я тоже еду, вы только не волнуйтесь, дядя Миша, посоветуемся и придумаем, ладно, да?..»

У подъезда стеклянного офиса среди огромных контейнеров и остатков строительного мусора стоят два черных, с черными стеклами, угрожающего вида джипа, словно готовые к прыжку ротвейлеры. Молодой человек, подобрав полы пальто неожиданно дамским жестом, садится на водительское место в первый, двое сопровождающих идут к другому, но юноша, высунувшись, решительно машет рукой – оставайтесь, еду без вас. Один из охранников подходит: «Но как же, Руслан Ахметович?..» «Позвоню, если что, – твердо обрывает Руслан, – будьте на связи, keep in touch, ясно? Конкретно на связи...»

Швыря в стороны грязный снег, «Шевроле Тахо» берет с места.

Руслан, почти неразличимый в черной одежде внутри черного кожаного пространства – видно только лицо: твердые скулы со смугловатым румянцем, пробивающимся из-под трехдневной молодой щетины, короткий прямой нос, неожиданно пухлые губы, – сует в держатель телефон и, положив левую руку поверх толстого кожаного руля, правой шарит где-то под сиденьем, достает пистолет, несколько секунд искося рассматривает «настоящего» советского выпуска ТТ, советский кольт.

Почти по осевой, как и положено такой машине, летит, обдавая отстающих дорожной жижей, джип.

Светится космическими цветами приборная панель, блики на лице Руслана скрывают щетину, жесткую линию скул и подбородка, и пухлогубое лицо молодого мужчины превращается в совсем мальчишеское, детское.

Губастый мальчик сидит на краешке больничной табуретки рядом с койкой, на которой лежит умирающий, – резиновая трубка капельницы делит пополам то, что видит мальчик: серое, уже почти неживое лицо отца, выпуклый серо-желтый лоб, короткий заострившийся нос...

Подросток на роликовой доске с разгону тормозит перед стоящими посреди заполненной скейтбордистами площади четырьмя немолодыми мужчинами, нелепыми среди этого мелькающего детского сада, ловко выбрасывает из-под себя доску и, держа ее под мышкой, лезет в рюкзак, достает папку, из нее вынимает лист плотной бумаги и гордо поднимает его перед дядей Сережей, дядей Лешей, дядей Витей, дядей Мишей – вверху листа, заполненного по-английски, крупное Certificate...

Уже взрослый Руслан, уже со всеми приметамы удачника нового времени – телефон в руке, охрана позади – идет, проваливаясь в снег, по унылому редколесью, между деревьями видны часто клюющие журавли нефтяных качалок, группа выходит на поляну, где стоит вертолет, идет к нему, лопасти начинают медленно раскручиваться, вдруг Руслан застывает, охранники, недоумевая, останавливаются тоже, внимательный и спокойный взгляд Руслана шарит по вертолету и площадке, будто приближая и увеличивая детали, – на снегу следы с противоположной стороны поляны, они обрываются возле стрекозино хвоста машины, из-под которого едва заметно выступает край прилипшей к нему снизу коробочки, – Руслан падает ничком, прикрыв затылок руками, а взрыв уже гремит, вертолет пылает, летят в небо оторвавшиеся куски обшивки, присев, стоя на коленях, бессмысленно тычут в разные стороны стволами телохранители...

Летит по загородному шоссе «Тахо».

И старенький «Мерседес» съезжает с Кольцевой на это же шоссе.

«Харлей», строптиво задрал нос и старомодные высокие рога руля, несет наездника, такого нелепого в зимнем русском пейзаже.

Выходит на пригородной платформе из электрички седой высокий человек с длинным футляром в руке.

Грустной и вечной российской стариной отдает картина – серый снег, черные пятна рош, извилистые нитки дорог и кучная сыпь домиков, деревня.

Представьте себе – деревня в Подмосковье.

Именно деревня, а не дачный поселок: черные срубы, прогнувшиеся заборы, облезшая краска на обшитых доской домах, маленькая кирпичная будка «Продукты» с висячим ржавым замком на закрытом засове железной двери. Вроде бы вымерла деревня, ни звука, ни человеческого следа, ни колеи между сугробами. Только стая бродячих псов, лениво обнюхиваясь, крутится у магазина.

В такой же черной, как другие, бревенчатой избе с полусгнившей крышей, посреди заснеженного участка, обнесенного изломанным, как плохие зубы, штакетником, в слуховом кривом окошке какое-то движение, будто занавеску там чуть отдернули – хотя какая может быть занавеска на чердаке брошенного деревенского дома?

Впрочем, и жиденский светло-серый дым поднимается над этой трубой...

И две пары валенок, большие и маленькие, стоят под навесом крыльца...

А если заглянуть в это окно, за эту – действительно, надо же! – занавеску, странную можно увидеть картину.

Мансарда прямо-таки парижская: хорошие гравюры на гладких белых стенах, книги на полках и стопками на полу, на истертом ковре, заброшенная подушками тахта, небольшой, вроде дамского, резной письменный стол правее окна, на столе старая пишущая машинка с заправленным, наполовину заполненным мелкими слепыми буквами листом. Бледно в ранних сумерках светит бронзовая настольная лампа.

У окна спиной в комнату стоит немолодой мужчина, вглядывается в быстро темнеющее пространство.

Хороший некогда пиджак с кожаными налокотниками обвис на сутулой спине, хорошие некогда брюки вытянуты на коленях, он стоит в одних шерстяных носках.

На узком подоконнике перед ним лежит двустволка.

Напряженно смотрит он в окно, сам уже почти невидимый в сумерках, – лысоватый, в круглых стальных очках, с короткими, пегими от седины бородой и усами, похожий на либерального американского профессора в исполнении, допустим, Джина Хэкмана.

За окном стреляет выхлопом мотоцикл, рычит мотор джипа, осторожно сигналист, подъезжая, вторая машина...

Мужчина, стоящий у окна, резко оборачивается, уже с двустволкой в руках: за дверью комнаты громко скрипит лестница, ведущая в мансарду с первого этажа.

– Здорово, Мишка, – Сергей входит, оглядывается, не подавая руки хозяину, не раздеваясь и не выпуская из рук длинного футляра, садится на диван, – ну, пока ребята не подошли, скажи сразу: у тебя с печенью как? Или ты завязал?

Михаил молча прислоняет к стене ружье, молча берет с книжной полки квадратную бутылку, делает большой глоток из горлышка, протягивает гостю.

Лестница скрипит.

– Что я тебе говорил, Леха? Эти скоты уже выпивают, – преодолевая одышку, обернувшись к поднимающимся за ним, сообщает Виктор...

...№ 1 давно придумал сюжет и дальше, точнее, даже не придумал, а как бы посмотрел когда-то фильм и теперь время от времени вспоминал его, пересказывал сам себе, но от пересказа к пересказу детали, конкретный фон, тонкости характеров менялись, при том что общая конструкция, конечно, оставалась неизменной, поскольку менять такую конструкцию – как, например, и конструкцию швейной машинки «Зингер» или пистолета Кольт 1911А1, – только портить, проверено временем: совершенство. Но сейчас, пока шла скучная и даже противная застольная беседа, № 1 успел прокрутить только до этого места и выключил проектор, дальше все было ясно, потому что такое начало, как и вообще любое из канонических начал, полностью определяет, что и как будет дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.